

СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ИСТОРИЯ

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА В XX–XXI ВВ.: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ДЕБАТЫ

**Р.С. Выходец, кандидат философских наук, доцент.
Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России**

Рассмотрены основные исторические периоды, связанные с формированием теоретико-методологических основ геополитической науки. Подробно рассматривается специфика трех этапов развития геополитики: классическая, цивилизационная, глобальная. В рамках каждой парадигмы геополитической науки раскрывается сущность эпистемологических моделей и методов анализа международных отношений.

Ключевые слова: геополитика, парадигма, глобальные исследования, международные отношения, глобализация, цивилизация, цивилизационный подход

GEOPOLITICAL SCIENCE IN THE XX-XXI CENTURY: THEORETICAL ISSUES AND DEBATES

R.S. Vihodets. Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia

The article examines the main historical periods associated with the formation of the theoretical and methodological foundations of geopolitical science. Discusses in detail the specifics of the three stages in the development of geopolitics: classical, civilization, and global geopolitics. Within each geopolitical paradigm of science reveals the essence of epistemological models and methods of analysis in international relations.

Keywords: geopolitics, paradigm, global studies, international relations, globalization, civilization, civilizational approach

Классическая геополитика

Как известно, термин «геополитика» впервые был употреблен Рудольфом Челленом в своей впоследствии ставшей классической работе «Государство как форма жизни» (1916). На заре своего становления в качестве самостоятельной научной дисциплины и интерпретационной системы геополитика развивалась как направление политической географии. В этом смысле ключевую роль в становлении геополитики и ее теоретико-методологического аппарата сыграли работы Фридриха Ратцеля и, прежде всего, «Политическая география», опубликованная в 1897 г. [1]. Несмотря на то, что в своих работах Ратцель ни разу не употребил слово «геополитика» взгляды, высказанные им в конце XIX в., определили развитие этого научного направления на десятилетия вперед. Основные постулаты, сформулированные основателем геополитической науки на рубеже XIX–XX вв., лежали в русле органицистской методологии, что привело к изначальной нацеленности геополитических исследований на поиск закономерностей силового противоборства государств за жизненно важные ресурсы, предопределив тем самым характер будущих исследований в этом направлении. На то были и объективные причины. Рубеж XIX–XX в. – время безраздельного господства методологии естественных наук с их четкостью, стройностью теорий и верификацией результатов исследований. И та тенденция, моду на которую определили исследования Герберта Спенсера, осуществившего удачную попытку

по переносу методологии естественных наук и, прежде всего, биологии на изучение социальных систем, была воспринята очень многими учеными того времени. Кроме того, органицистская методология весьма удачно подходила для анализа многополярности, сложившейся на излете Венской системы международных отношений, которая явилась своеобразным геополитическим итогом, многовекового противоборства за колониальное господство, начавшегося в эпоху Великих географических открытий. В соответствии с модернистским мировоззрением, доминировавшим в то время, многообразие социокультурных, экономических и политических процессов в мире было положено на достаточно плоскую линейную шкалу прогресса, на которой исторический процесс воспринимался как поступательное однонаправленное движение обществ от традиционного состояния к развитой цивилизации западного типа. В соответствии с этими представлениями мир представлялся глобальным «жизненным пространством» (Lebensraum – Ратцель), за которое происходит конкуренция между государствами-организмами, детерминируемая органицистскими факторами: рост населения, развитие промышленности, нехватка ресурсов и т.д.

Эти исходные постулаты, сформулированные в свое время Ратцелем, лягут в основу концепций государственного суверенитета, национальных интересов, баланса сил и составят ядро реалистической парадигмы международных отношений, которая будет господствовать на протяжении нескольких десятилетий после Второй мировой войны, а классическая работа основателя этого направления, американского политолога немецкого происхождения Ганса Моргентау, «Политические отношения между нациями» (1948) [2] будет служить главным пособием по теории международных отношений.

После окончания Первой мировой войны особый интерес исследователей привлекли вопросы обустройства Европы на новых принципах, которые смогут предотвратить столь же кровопролитные конфликты в будущем. Вместе с тем геополитическая конфигурация мира не претерпела сколько-нибудь существенных изменений. Основную скрипку в по-прежнему многополярном мире играли великие державы, чье поведение на международной арене определялось их национальными интересами и проблемами обеспечения собственной безопасности, которые так или иначе были тесно связаны с географическими факторами. Для геополитики как научной дисциплины наступает период ее расцвета. Во многих странах бурно развиваются собственные направления исследований в данной области и формируются национальные геополитические школы. В первой половине XX в. геополитическая наука развивалась высокими темпами и быстро распространялась на европейском и американском континентах.

Общим для всех школ геополитической науки классического периода явилось то, что в основу теоретико-методологических моделей был положен географический детерминизм, который устанавливал функциональную зависимость направленности и характера действий государства на международной арене от физико-географических и природно-климатических условий его развития. Для классической геополитики направленность концепций была связана с обоснованием роли и цели государства в геополитическом противоборстве. При этом государство выступало в качестве единственного субъекта геополитических процессов, так как только государство имеет пространственно-географическую определенность, описываемую его политико-территориальными границами.

На классическом этапе развитие геополитики совпадало с логикой и основными принципами развития науки того времени. Рубеж XIX–XX вв. – это время безраздельного господства позитивистской парадигмы, восходящей в своей методологии к ньютоновской классической механике, базовым принципом которой был детерминизм. Для позитивистов ньютоновская модель символизировала торжество рациональности и детерминизма, подлежащих отождествлению с самим определением науки. Сторонниками таких взглядов вся сложность явлений окружающего мира была провозглашена кажущейся, а разнообразие природы – укладывающимся в универсальные законы, позволяющие расшифровать глобальные истины с помощью правильно поставленного локального эксперимента.

Классическая геополитика, будучи продуктом своего времени, в полной мере базировалась на методологических принципах классической науки. Тотальное господство стройного детерминистского описания привело к созданию теоретических моделей, призванных объяснить всю сложность международных отношений и поведения отдельных государств на мировой арене с помощью простых законов, имеющих географическую природу. Понятия «жизненное пространство», «хартленд», «римленд» и другие представляют собой стремление геополитиков классического периода описать проблемы мировой политики в категориях линейных причинно-следственных связей, присущих естествознанию того периода. Следует отметить, что данная парадигма очень удачно подходила для анализа взаимодействий индустриальных промышленно развитых стран друг с другом и с традиционными обществами, ставшими объектами колониальной экспансии.

Географический фактор и военно-политический контроль над пространством являлись основными методологическими принципами при рассмотрении проблем колониального господства и взаимодействия между великими державами. И точно так же как Ньютон принял закон всемирного тяготения как неоспоримый факт, не пытаясь его объяснить, классическая геополитика априори провозгласила методологическую дихотомию Суши и Моря, с помощью которой описывалась вся геополитическая динамика, а географический детерминизм был необходимым и достаточным инструментом для анализа вопросов мировой политики того времени.

Однако еще Ф. Ратцель в своих геополитических законах поставил вопрос о зависимости роста государств от роста культуры и о причинах экспансии, коренящихся в разнице культур соседних государств. Иначе говоря, в основаниях геополитической мысли изначально присутствовала цивилизационная парадигма, которая обрела в полном объеме свою методологическую значимость лишь во второй половине XX в. Определенная методологическая система господствуют до тех пор, пока она позволяет описывать множество фактов окружающего мира на определенном историческом этапе. Когда же методологический инструментарий не позволяет справиться с массивом явлений, которые старой парадигмой рассматривались в качестве артефактов, происходит смена научных методологических принципов научного познания. Данная диалектика познания была прекрасно описана Томасом Куном в его знаменитой работе «Структура научных революций» (1970) [3]. Поскольку знание всегда относительно, любая парадигма имеет пределы, за которыми она теряет объяснительную силу.

Вопрос о том, почему элементы цивилизационной парадигмы, изначально присутствовавшие в геополитической теории выйдут на первый план лишь более чем через пол века, скорее всего, останется без однозначного ответа. Возможно, цивилизационные принципы анализа не обладали в то время существенным гносеологическим потенциалом в вопросах мировой политики и не позволяли решать насущные теоретические проблемы, или же число ученых, занятых вопросами международных отношений и использующих для этого элементы цивилизационной методологии было слишком мало. Но после окончания Второй мировой войны, первого применения атомной бомбы, изобретения ракетно-ядерного оружия, накопления колоссальных запасов других видов оружия массового поражения парадигма геополитического мышления начала меняться. Способность даже небольшой страны иметь оружие массового поражения нивелировала различия в военной мощи малых и великих держав, снизила вероятность войн между ними. Осознание изменений, которые привнесли новые технологии в военной, промышленной, теоретико-стратегической и других областях в середине XX в., и ознаменовало собой конец классического периода геополитики.

Цивилизационная геополитика

Смена парадигм в геополитической науке – переход от классической к цивилизационной геополитике растянулся почти на 50 лет и проходил на фоне глубоких изменений в системе международных отношений и теоретических конструкций, призванных осмыслить эти изменения.

Победа во Второй мировой войне ознаменовала собой не только конец попыткам направить развитие европейских государств в национал-социалистическом направлении, но и положила начало глобальному блоковому противостоянию на идеологическом уровне. Мировая система вошла в новый, не имевший прецедентов в истории, биполярный формат развития, что обернулось для геополитики целым комплексом методологических трудностей. Во-первых, географический детерминизм успешно объяснял взаимодействие великих держав в категориях силового контроля над территорией, однако паритет в ракетно-ядерных вооружениях между США и СССР, по сути, отменил возможность прямого военного конфликта. Во-вторых, из-за невозможности применить военную силу там, где раньше она была бы применена без раздумий или же применение ее грозило существенными издержками, как, например, в Корее (1950–1953 гг.), политическая практика стала гораздо разнообразнее. Появились новые способы контроля над территорией и политическими единицами: идеология, экономика, гуманитарная и академическая деятельность, неформальное влияние на политическую элиту – все то, что Дж. Най и Р. Кохэн назвали мягкой силой (*soft power*). Это привело к существенному увеличению числа реальных субъектов международных отношений, которые не вписывались в методологические рамки классической геополитики. Национальные государства более не являлись унитарными акторами международных отношений. Это касалось как системы принятия решений, участие в которой принимали различные уровни власти, так и субъектов мировой политики, где все более заметную роль стали играть транснациональные корпорации, различного рода негосударственные организации и даже отдельные индивиды. Монополию государства на международной арене подрывали неформальные связи между государственными чиновниками, представителями бизнес-элиты, а также развитие глобальной сферы информационных коммуникаций.

В теоретическом плане серьезный удар по классической геополитике был нанесен теориями международных отношений и, прежде всего, реализмом и либерализмом, которые в методологическом плане выглядели гораздо привлекательнее. Зачастую не претендуя на создание универсальной гносеологической модели, реализм и либерализм, конкурируя и дополняя друг друга, смогли предложить целый ряд достаточно стройных теорий среднего уровня, весьма удобных для ситуационного анализа и объяснения прикладных проблем в международных отношениях. Это привело к тому, что геополитика оказалась на обочине научного знания о мировой политике и была вытеснена на уровень философских концептов.

Вместе с тем в западных странах в 50–60-е гг. доминировал «модернизационный» подход. Он базировался на солидном идейном багаже, накопление которого началось еще в эпоху Просвещения. Активными сторонниками «модернизационного» подхода были Т. Парсонс, А. Инкелес, У. Росту, К. Кер, Л. Лернер, Д. Аптер, С. Айзенштадт. Модернистской точке зрения был свойствен взгляд на исторический прогресс как на поступательное движение от традиционных обществ к модернизированному обществу западного типа. При этом этот магистральный путь исторического развития един для всех стран и народов, и каждый из них имеет достаточный потенциал для броска в модернистское будущее. При этом теоретики модернистской школы не считали незападные общества безнадежно отставшими и не видели каких бы то ни было уникальных и недостижимых особенностей в западном мире. Теоретически признавалось, что вслед за неизбежным осознанием и восприятием позитивного исторического опыта более развитых западных стран, последует быстрая модернизация незападного мира.

Однако практика показала, что теория линейного прогресса и универсальных ценностей неадекватна реальности. Главная слабость модернизма заключалась в определении мотивации действий отдельных обществ, прежде всего, входивших в орбиту влияния коммунистической идеологии и СССР. Модернисты заходили в тупик, пытаясь объяснить отторжение многими странами западных ценностей. Прямолинейность модернизма вызвала волну критики на Западе и в других регионах во второй половине 60-х гг. В коллективной монографии «Идеология и недовольство» под редакцией Д. Аптера (1964)

господствующая теория модернизации была объявлена несостоятельной и неадекватной фактам мирового развития, которые своим существованием подрывают идею общемировой цивилизации. Был сделан вывод о недостаточности западных предписаний для материального развития большинства стран мира. Критики модернизации, как например американский социолог Р. Миллс, выдвинули тезис о релевантности существующей модели модернизации лишь определенной культуре, ограниченному общим историческим опытом группе стран. Был сделан вывод, что нельзя все модернизационные идеи мира черпать только из западного источника, что следует учитывать культурное разнообразие мира и наличие незападных способов решения проблем материального развития. Существенно было то, что на самом Западе усомнились в возможности мировой модернизации, если будут игнорироваться факты специфического исторического развития, догматы религии, культурное своеобразие, особенности менталитета – всех тех факторов, которые отделяют один народ от другого. Впервые категории культуры и социальной структуры были показаны не как некое приложение к индустриализации и демократии западного толка, а как базовые особенности развития отдельных регионов, оригинальных цивилизаций [4].

Цивилизационная парадигма, в соответствии с которой мир рассматривался как совокупность устойчивых социокультурных общностей людей и стран, сохраняющих своеобразие и целостность на больших промежутках исторического времени, сформировалась в конце XIX начале XX в. Однако только спустя почти столетие стала активно использоваться при анализе геополитических процессов и международных отношений.

Непосредственное применение цивилизационного подхода к анализу международных отношений связано с именем американского политолога С. Хантингтона. В своей знаменитой статье «Столкновение цивилизаций?» [5], а немногим позднее и в книге с аналогичным названием, только без знака вопроса он придал небывалое звучание цивилизационным идеям и цивилизационному подходу в анализе мировых процессов. Хантингтон сделал предположение, что столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики, а линии разлома между ними – это линия будущих конфликтов.

В отечественной литературе использование цивилизационного подхода в исследованиях геополитической проблематики связано с работами В.Л. Цымбурского [6].

Цымбурский, признавая правомерность ряда положений концепции столкновения цивилизаций С. Хантингтона, формулирует ряд основных положений собственной концепции, называя ее «цивилизационной геополитикой»:

1. Различие для каждой цивилизации этнического и геополитического ядра и периферии.

2. Тезис об отсутствии непреходимых границ между перифериями соседних цивилизаций.

3. Как рецепт практической стратегии – ставка на консолидацию и развитие цивилизационного ядра, наряду со взвешиванием и определённым ограничением обязательств стран ядра в отношении периферии.

Цымбурский В.Л. существенно дополнил цивилизационную картину мира, представленную совокупностью локальных обособленных социокультурных миров, понятием «Лимитроф». Это межцивилизационные территории, населенные народами, которые напрямую не принадлежат ни к одной цивилизации. Эти территории, с одной стороны, представляют собой барьеры между цивилизациями, а с другой, в разные исторические моменты они становятся зонами конфликтов и борьбы между цивилизационными ядрами [7].

Начиная с 90-х гг. XX в. цивилизационный подход становится модой. Его начинают активно применять при анализе геополитических процессов и системы международных отношений. По сравнению с классическим этапом цивилизационная геополитика сделала основной акцент на несиловых способах контроля над пространством, а также рассмотрении геополитических процессов с точки зрения их функциональной зависимости, определяемой

принадлежностью того или иного субъекта к одной из современных локальных цивилизаций либо воспроизводящего в своей деятельности определенные цивилизационные модели. Существенно расширился список субъектов геополитики, помимо национальных государств в качестве активных акторов мировых процессов стали рассматриваться локальные цивилизации, международные организации, транснациональные корпорации и даже отдельные личности. Также был дополнен категориальный аппарат, помимо традиционных понятий *территории, Суши, Моря, географической оси истории, почвы, пространства, границы* в содержание современного геополитического дискурса были включены новые понятия, например: *локальная цивилизация, цивилизационный код, историко-культурная зона, лимитроф* и др.

Этому парадигмальному сдвигу в геополитической науке способствовали объективные изменения в мировой системе. Помимо обнаружившейся очевидной ограниченности географического детерминизма, стали давать сбой целый ряд традиционных концепций, описывающих мировые процессы. В системе международных отношений все более заметную роль стали играть религиозные, политические и экономические союзы, ТНК, некоммерческие организации и т.д. На межгосударственном уровне кроме национальных интересов проявились интересы регионов, национальных меньшинств, религиозных сообществ, глобальные проблемы человечества. Весь этот комплекс факторов требовал новых подходов к его осмыслению. В этом смысле цивилизационный подход позволил объединить в едином концептуальном поле весь комплекс географических, политико-идеологических экономических и социокультурных факторов при изучении геополитических процессов. Географический детерминизм в методологическом плане передал эстафету цивилизационному детерминизму, а понятие «локальная цивилизация» стало ключевым в геополитических исследованиях.

Следует особо подчеркнуть, что попытки каким-то образом географически локализовать цивилизационные факторы при анализе геополитических процессов является одним из самых уязвимых мест цивилизационной геополитики. Влияние места развития на специфику хозяйственных, политических и социокультурных систем того или иного общества не вызывает сомнения. Однако сегодня, когда глобализационные процессы во многом определяют развитие современного мира, такой прямолинейный подход вряд ли применим. Информационная революция, бурное развитие транспорта и телекоммуникаций, массовые миграционные и туристические потоки, феномен массовой культуры и другие унифицирующие мир факторы, которые обычно ассоциируются с глобализацией, ставят перед исследователями очень важную методологическую проблему значительного влияния на культуру внешнего фактора и определения того, в какой степени независимы цивилизационные особенности современных обществ. Цивилизационная геополитика, стоящая на позитивистских позициях цивилизационного детерминизма, данную проблему практически полностью игнорирует.

Кроме того, возникают сложности с определением того, как и каким образом локальные цивилизации, будучи неинституционализированными образованиями, действуют в геополитическом пространстве. Также классические концепции межцивилизационного взаимодействия, являясь центральной методологической конструкцией цивилизационной геополитики, не способны в полной мере разрешить вопрос о «наполнении» глобализационных процессов субъективным и в то же время универсальным цивилизационным содержанием (феномен глобализма по-американски). Создание единого цивилизационного вектора глобализационных процессов требует особой формы взаимодействия между современными локальными цивилизациями, качественно отличающейся и от экспансии (А. Тойнби), и от столкновения (С. Хантингтон).

Все эти проблемы привели к существенным корректировкам как в понимании самого термина «цивилизация», так и в геополитической парадигме в целом.

Глобальная геополитика

Современный этап развития геополитики в научной литературе все чаще именуется «глобальной геополитикой». Необходимость замены прямолинейных характеристик, таких как военный потенциал страны, наличие и характер торгово-промышленных интересов, наличие особенностей морских и сухопутных цивилизаций, захват рынков сбыта и прочее, более сложными познавательными моделями, способными учитывать гораздо больше разнородных факторов при описании динамики системы международных отношений, определили ключевую характеристику геополитики на современном этапе – междисциплинарность.

По всей видимости, словосочетание «глобальная геополитика» в качестве названия современного этапа развития геополитической науки появилось в работе петербургского исследователя И.Ф. Кефели «Судьба России в глобальной геополитике». В предисловии к этой работе Л.Г. Ивашов отметил: «На рубеже веков классическая геополитика обретает новые очертания – она становится глобальной геополитикой. Так произошла своеобразная инверсия: век назад зарождение геополитики означало формирование глобального миропонимания, в рамках которого действующими лицами мировой политики выступали великие державы – сухопутные и морские. Ныне таковыми акторами мировой политики выступают современные локальные цивилизации, или геоцивилизации.» [8].

Формирование современной геополитической парадигмы тесно связано с осмыслением процессов глобализации, которые пронизывают все сферы человеческих взаимодействий, коренным образом преобразует экономическое, политическое, социокультурное и экологическое пространство международных отношений и, безусловно, требует к себе пристального внимания при формировании геополитических концепций. В одной из последних работ, посвященной современному этапу развития геополитической науки, написанной коллективом авторов БГТУ «Военмех» им. Д.Ф. Устинова и МГУ им. М.В. Ломоносова, под названием «Глобальная геополитика» отмечаются направления, по которым происходит трансформация геополитики на современном этапе: «Во-первых, это было связано с изменением содержания и направленности геополитических концепций (речь идет о смене органицистской методологии цивилизационным подходом). Во-вторых, с расширением круга акторов геополитических процессов в мире. В-третьих, на становление глобальной геополитики огромное влияние оказали цивилизационные детерминанты: культурная история, цивилизационная и этническая ментальность, принадлежность к историко-культурным зонам» [9].

Грандиозные беспрецедентные изменения в мировой системе, происходившие на протяжении XX в., результаты которых стали в полной мере заметны лишь в начале XXI в. требуют от геополитики более скрупулезного учета детерминант международных отношений. Во-первых, в результате информационной революции и широкого применения цифровых технологий в промышленно развитой зоне мира постиндустриальное общество постепенно трансформируется в информационное общество. Во-вторых, происходит совпавшая с этой революцией и стимулированная ею смена социально-политической парадигмы, в которой все более заметную роль начинают играть негосударственные акторы и сетевые структуры гражданского общества. В-третьих, основополагающие принципы развития западной цивилизации утрачивают свои доминирующие позиции, возникает новая всепланетарная цивилизация на началах органического сочетания единства и неделимости мирового сообщества, с одной стороны, и диверсификации и плюрализма центров, народов, культур, религий, с другой. В-четвертых, распад двухполюсного миропорядка положил конец жесткому разделению мира на два противоположных лагеря, что способствовало широкомасштабным качественным изменениям не только в геостратегической структуре мира.

Серьезное значение фактору глобализации при анализе системы международных отношений придает К.С. Гаджиев. По его мнению, глобализация является результатом, прежде всего, глубинных сдвигов в самой инфраструктуре основных направлений и тенденций социально-экономического, информационно-телекоммуникационного, экологического, демографического, социокультурного, политического, мировоззренческого развития

современного мира. С точки зрения геополитики главное предназначение глобализации заключается в формировании инфраструктуры нового полицентрического мироустройства, в котором участвуют все главные акторы мировой политики. Кардинально изменяются соотношения между центром и периферией, хартлендом и римлендом, морскими и континентальными государствами. Появляются новые транснациональные формы контроля над территориями – экономические, технологические, информационные, коммуникационные и т.д. [10].

Современные изменения в системе международных отношений американский политолог Ф. Закария очень удачно назвал «подъемом остальных». Суть этого «подъема» заключается в бурном развитии незападных стран, которое стало возможным благодаря глобализации экономики, революционным изменениям в информационной сфере и диффузии технологий. По мнению, Ф. Закарии это создает предпосылки для формирования международной системы, в которой страны всех частей света более не являются сторонними наблюдателями, становятся полноправными субъектами международных процессов [11]. «Подъем остальных» представляет собой не только количественные изменения в системе международных отношений, имеющие экономическую и политическую природу. С точки зрения цивилизационного подхода это приводит к новому этапу конкуренции локальных цивилизационных моделей развития в мировой системе и формированию дополнительных социокультурных детерминант геополитических процессов.

Сегодня взаимодействие локальных цивилизаций разворачивается на фоне бурного развития современных телекоммуникаций и цифровых технологий, приведшего к формированию глобального информационного пространства. Именно на этом уровне происходит взаимодействие и конкуренция локальных цивилизационных моделей развития и дискурсов, что в ракурсе глобальной геополитики позволяет многим исследователям по-новому посмотреть на многие региональные конфликты и общие тенденции развития мировой системы. Так, например, И.А. Василенко обращает внимание на необходимость анализа информационно-психологического воздействия на геополитический потенциал государства, в который автор включает национальный менталитет, культуру и моральное состояние общества. Эти характеристики транслируются в виртуальное пространство в виде «символического капитала культуры», то есть культурных и идеологических ценностей общества, определяющих социокультурную динамику геополитики государства или цивилизацию [12].

В начале XXI в. когда межцивилизационное взаимодействие характеризуется целым комплексом факторов, включающим ускоренные интеграционные процессы, формирование глобального экономического пространства, экологические проблемы, демографические сдвиги, борьбу за природные ресурсы, изменения в системе принятия политических решений, смену содержания мировой политики и глобального управления и т.д. Это требует от глобальной геополитики выработки целостных познавательных моделей, позволяющих учитывать всю сложность современной мировой системы. Так, Ю.Ф. Яковец предложил многомерную модель взаимодействия современных цивилизаций, которая включает в себя шесть блоков: *демографический, экологический, технологический, экономический, геополитический и социокультурный* [13].

Перед современной геополитической наукой стоит сложная задача по определению ключевых тенденций развития современного мира и факторов, оказывающих существенное влияние на систему международных отношений. Необходимость осмысления огромного массива факторов, влияющих на мировые процессы, делает очевидной невозможность анализа международных отношений, используя теоретико-методологический инструментарий одной политической науки, частью которой является геополитика. Для продуктивного анализа геополитической проблематики требуется конвергенция научной методологии, подходов и результатов исследований. На современном этапе в геополитических исследованиях, широкое применение получила эволюционная теория,

достижения синергетики и нелинейной динамики, теории информации, а также логико-математическое моделирование геополитических процессов. Сегодня пока еще невозможно констатировать окончательное завершение смены парадигмы геополитической науки. Существует достаточно широкий круг проблем, осмысление которых происходит на философском уровне, и которым еще только предстоит трансформироваться в предмет научных исследований, позволяющих не только описывать их на специфическом геополитическом языке, но и давать научный прогноз объективных изменений системы международных отношений в современном мире.

Литература

1. Friedrich Ratzel. Politische Geographie, 1897.
2. Morgenthau Hans J. Politics Among Nations, 1948.
3. Kuhn T. The structure of scientific revolutions. Chicago: Chicago University Press, 1970.
4. Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. М., 2002. С. 38–51.
5. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1.
6. Цымбурский В.Л. Земля за Великим Лимитрофом (От «России-Евразии» к «России в Евразии») // Бизнес и политика. 1995. № 9.
7. Цымбурский В.Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М., 2007.
8. Кефели И.Ф. Судьба России в глобальной геополитике. СПб.: Изд-во «Северная звезда», 2004. С. 7.
9. Глобальная геополитика / под ред. И.И. Абылгазиева, И.В. Ильина, И.Ф. Кефели. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. С. 11.
10. Гаджиев К.С. Геополитические горизонты России: контуры нового миропорядка. М., 2007. С. 13–37.
11. Закария Ф. Постамериканский мир. М.: Изд-во «Европа», 2009. С. 25–29.
12. Василенко И.А. Геополитика современного мира. М.: Гардарики, 2006. С. 70–75.
13. Яковец Ю.В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. М., 2001.